

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ОЖОИОДЪЛЪШО

ИЗДАНИЕ

Выходитъ еже-
недѣльно.
Цѣна годовому из-
данію въ Иркутскѣ
5 р., съ перес. по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
мается исклю-
ч. въ Редак. Иркутск.
Епархіальн. Вѣд.
при Духовной
Семинаріи.

ноябр. 28

1881 г.

№

48

СОДЕРЖАНІЕ: Благодарность за пожертвованія.—Распоряженія епархіальнаго начальства.

Благодарность за пожертвованія.

Генераль-маіоръ Сергій Павловичъ Толстой, при письмѣ отъ 25 апрѣля за № 93, благоволилъ прислать десять рублей въ пользу забайкальской духовной миссіи, какъ посыл-ную ленту въ пользу *православнаго христіанства и русской народности* въ этомъ отдаленномъ краѣ нашего отечества.

Настоятель Спасо-Яковлевскаго ростовскаго монастыря о. архимандритъ Иларіонъ, при заказѣ финифтевыхъ образковъ для раздачи новокрещеннымъ по забайкальской миссіи, внесъ на тотъ же предметъ 25 рублей изъ своей собственности въ пользу миссіи, съ принятіемъ на себя заказа и пере-сылки таковыхъ образковъ.

Кяхтинскій протоіерей и благочинный о. Іоаннъ На-кольскій пожертвовалъ для ~~бл~~бліотеки ~~и~~ викарія Иркутской

епархін (начальника миссін) переводъ новаго завіта на китайскомъ языкѣ.

Верхнеудинскій протоіерей и благойиный о. Амфилохій Кузнецовъ для той же библиотеки пожертвовалъ 70 названій и 127 книгъ на разныхъ европейскихъ языкахъ, преимущественно на французскомъ.

За рѣдкое сочувствіе къ нуждамъ возрождающейся послѣ 200-лѣтняго періода нашей забайкальской духовной миссін, отъ лица оной изъясняется глубочайшая, искренняя благодарность.

Мелетій епископъ селенгинскій.

5 ноября 1881 г.

Чита.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Священникъ домовоі церкви при Иркутской дисциплинарной ротѣ Василій Чирцевъ 4-го ноября с. г. померъ. На мѣсто его, по резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 5 ноября, назначенъ священникъ Троицкосавскаго Троицкаго собора Иннокентій Шастинъ.

Исправляющія должность псаломщиковъ: Оекской Успенской церкви, Иркутскаго округа, Григорій Поповъ и Манзурской Введенской церкви, Верхотурскаго округа, Николай Сизой Его Высокопреосвященствомъ рукоположены въ діаконы, первый 7, а второй 8 сего ноября, съ оставленіемъ при тѣхъ же церквахъ и должностяхъ

Діаконъ, состоявшій на вакансіи псаломщика при градо-Иркутской Преображенской церкви, Θεодоръ Косоулинъ Его Высокопреосвященствомъ 8 сего ноября рукоположенъ во священника и назначенъ помощникомъ настоятеля Верхотурскаго Воскресенскаго собора.

Уволенный изъ Иркутскаго духовнаго училища воспитанникъ Алексѣй Смирновъ 5 сего ноября опредѣленъ на вакансію псаломщика при Нижнелимской Покровской церкви, Киренскаго округа.

И. д. псаломщика градо-Иркутской Преображенской церкви Константинъ Шаповъ 6 ноября с. г. Его Высокопреосвященствомъ посвященъ во діакона къ той же церкви.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

ноября 28 № 48. 1881 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отвѣтъ на неблагопріятный отзывъ о составленной грамматикѣ монголо-бурятскаго разговорнаго языка.—Объявленія.

ОТВѢТЪ НА НЕБЛАГОПРІЯТНЫЙ ОТЗЫВЪ О СОСТАВЛЕННОЙ МНОЮ ГРАММАТИКѢ МОНГОЛО-БУРЯТСКАГО РАЗГОВОРНАГО ЯЗЫКА.

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ виду отзывовъ лектора с.-петербургскаго университета протоіерея Доржѣева и кандидата факультета восточныхъ языковъ Позднѣева, призналъ не возможнымъ одобрить составленную мною грамматикѣ монголо-бурятскаго языка въ качествѣ учебника для воспитанниковъ иркутской духовной семинаріи, при изученіи монгольскаго языка; каковое заключеніе утвердилъ Святѣйшій Синодъ.

Не зная, что именно заявили предъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ о моей грамматикѣ *не монгольскаго* т. е. книжнаго языка, для коего уже существуетъ не одно пособіе, а языка *разговорнаго монголо-бурятскаго*, пособій полныхъ не имѣющаго, *и. е. Доржѣевъ и Позднѣевъ*, я не могу не считать представителемъ неблагопріятнаго отзыва о моемъ сочиненіи статью послѣдняго, почти на 40 страницахъ напечатанную въ декабрьской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія за 1879 годъ. И потому,

долгомъ считаю предъ просвѣщенной и безпристрастною публикою дать на указанную статью свои объясненія.

1.

„Я не знаю самыхъ первыхъ началъ филологіи и старался только о томъ, чтобы написать по больше (стр. 170)“.

Но вѣдь мой трудъ тщательно разсмотрѣнъ комиссіею переводчиковъ при братствѣ св. Гурія въ Казани, лицъ солидно доказавшихъ свои свѣдѣнія въ литературѣ восточной; предпочтень ею бурятской этимологіи академиковъ Кастрена и Шифнера, и какъ посвященный мною въ пользу православной миссіи добайкальской и забайкальской, напечатанъ на миссіонерскія суммы. Послѣ чего трудъ мой, по распоряженію главнаго совѣта православнаго миссіонерскаго общества, разосланъ для употребленія по миссіямъ между бурятами. А начальникъ забайкальской миссіи преосвященнѣйшій Мелетій, епископъ селевгинскій въ своемъ отчетѣ за 1879 годъ отзывался, что при моей грамматикѣ можно будетъ приступить къ самостоятельнымъ переводамъ христіанскихъ сочиненій на разговорный бурятскій языкъ.

Между тѣмъ комиссія, кромѣ личнаго усмотрѣнія моихъ филологическихъ свѣдѣній о грамматикѣ монголо-бурятскаго разговорнаго языка, безъ сомнѣнія, имѣла въ виду отзывъ цѣлаго факультета восточныхъ языковъ при с.-петербургскомъ университетѣ, который данъ имъ еще въ 1868-мъ году о сочиненной мною же, и опять первой на русскомъ языкѣ, грамматикѣ манжурскаго языка. Отзывъ же этотъ слѣдующій: „Изъ всѣхъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ грамматикъ (тутъ конечно разумѣются записки о грамматикѣ манжурской рукописныя, если только и онѣ существовали)—эта самая лучшая и полная и далеко превосходитъ единственную, изданную въ Европѣ грамматику Габеленца. Авторъ о всякой грамматической формѣ говоритъ съ подробно-

стію, показывааетъ ея различныя употребленія и все это подтверждаетъ примѣрами, которыми чрезвычайно сбильна ея грамматика. Изданіе настоящаго труда „было бы большимъ приобретениемъ для языкознанія“. Грамматика эта по опредѣленію Святѣйшаго Синода, напечатана на синодальныя суммы въ 1873 году, разослана по миссіямъ на Амурѣ и, какъ учебникъ, практикуется при благовѣщенской духовной семинаріи.

Не мѣшало бы г. Позднѣеву припомнить печатные отзывы Иркутскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества о моихъ переводахъ съ древняго монголо-бурятскаго языка *насаннцъ*, оказавшихся на скалахъ около Минусинска. Отзывы во всеуслышаніе провозгласили, что мое пониманіе *насаннцъ* гораздо основательнѣе, чѣмъ переложеніе ихъ другими и въ томъ числѣ знатными ориенталистами.

Вовсе не приходило мнѣ въ голову и то, чтобы грамматика моя блистала толщиной въ ущербъ содержанію. Она, напечатанная (конечно не по моему желанію) довольно крупнымъ, а въ спряженіяхъ даже размашистымъ шрифтомъ, представляетъ 265 страницъ, такъ что при шрифтѣ мелкомъ и сжатомъ могли бы умѣститься на 200 страницамъ. А приглядитесь, на сколькихъ страницахъ изложены труды моихъ предшественниковъ по изученію монголо-бурятскаго языка! Академикъ Кастрень со Шниферомъ одну этимологию бурятскаго языка на нѣмецкомъ языкѣ мелкимъ и убористымъ шрифтомъ напечаталъ на 241 страницѣ. Профессоръ Поповъ грамматику калмыцкаго языка сумѣлъ растянуть на 390 страницъ. Бакалавръ казанской духовной академіи Алексѣй Бобровниковъ грамматику монголо-калмыцкаго языка предложилъ на 400 страницахъ. И если академикъ Шмидтъ написалъ грамматику книжнаго монгольскаго языка на 184 стр. то въ большую четвертку, такъ что въ ней можно насчитать

вать не менѣе 360 обыкновенныхъ страницъ. Выходить, что толща моей книжки далеко не ужасающая. Материалу же въ ней, для изученія бурятскаго языка, какъ увидимъ ниже, предложено гораздо больше, чѣмъ у моихъ предшественниковъ по труду.

2.

„Я не изучилъ языка, анализируя его элементы, не понимаю его духа, и оттого не сумелъ даже перевести на русскій языкъ своихъ примѣровъ изъ грамматики“.

Но самъ то г. Позднѣвъ, взявши на себя роль моего руководителя при переводѣ съ бурятскаго языка на русскій,—положительно не вѣрно, а по мѣстамъ комично перевелъ мои грамматическіе примѣры.

Стр. 196. „энэ бэгин сайхани эрдэм билінэ хусэнду“.
Мой переводъ: *И я буду хорошею силою ума, да разума“.*
Слова эти заимствованы изъ одной агинской пѣсни о счастіи, гдѣ первый куплетъ таковъ: „Эмнэк мори суряха эмэлм хазарай хусэнду“, т. е. „силою сѣдла да узды обучаютъ коня молодого“. За тѣмъ, въ силу сравненія, совершенно естественно было сказать: „и я буду хорошею силою ума, да разума“. Г. Позднѣвъ говоритъ: „этотъ переводъ рѣшительно не вѣренъ“. Чтобы доказать смыслъ и составъ этого предложенія, предлагаемъ его грамматическій разборъ. Часть предложенія—подлежащее обозначается здѣсь протяжительною частицею *ин* или *ину*; частица эта поставлена къ слову: *сайхани*, что значить буквально *хорошенькое*, а здѣсь оно можетъ быть замѣнено существительнымъ съ значеніемъ (доброкачественности); и такъ подлежащее—*сайхани*. Слово *бэгин* (почему же не *бэин*?) буквально—*тѣло*,—здѣсь же можетъ быть лучше употреблено значеніе: *сущность* или *бытіе*,—поставлено въ родительномъ падежѣ въ зависимости отъ слова—*сайхани*. Буквальный переводъ этого предложенія долженъ

быть слѣдующій: „этого тѣла хорошенькое его“ или что тоже, *настоящаго существа доброкачественность его* (обосновывается: да откуда же это взято?) *на силу ума разума*. Я же, чтобы раскрыть всю непригодность перевода г. Позднѣева добавлю, уже въ одномъ русскомъ переводѣ, третій куплетъ выше обозначенной иѣсны: „при помощи узды ѣздятъ на рысакѣ: живя дружелюбно непремѣнно наслаждаются счастьемъ“. Кромѣ сего утверждаю, что *энэ бэини* поставлено въ падежѣ именительномъ съ частицею силы, которая здѣсь имѣетъ значеніе союза *и*, *сайханни* же есть сказуемое *и*, какъ наращенное тоже частицею *силы*, имѣетъ на себѣ, въ слѣдъ за подлежащимъ, второе *логическое удареніе*.

Стр. 131. „*Алтан монгон хояри алинни ахаб*“? по моему переводу: „*что важнѣе: золото или серебро*“?—Г. Позднѣевъ переводитъ: „*золото и серебро—которое важнѣе*“?—Да развѣ это не одно и тоже, по смыслу съ предъидущимъ! Но, что въ словѣ *хояри* надобно видѣть родительный падежъ, а не именительный съ протяженіемъ, по мнѣнію г. Позднѣева, доказывается тѣмъ, что *и* слишкомъ рѣдко можетъ выражать частицу *силы*, а здѣсь эта сила сосредоточена на вопросѣ *алинни*, имѣющемъ еще подъ собою частицу *силы*, и потому очевидно, что вопросъ задается не о томъ, существуетъ ли и съ какими качествами золото и серебро, а о томъ, что важнѣе изъ этихъ металловъ (конечно при извѣстныхъ обстоятельствахъ)?

Стр. 199. Въ примѣрѣ на залогъ начинательный слово *унтатшиба* мною переведено: „*сталъ засыпать*“. Г. Позднѣевъ, опровергая самое введеніе въ грамматику начинательнаго залога, говоритъ, что *унтатшиба* сложено изъ дѣепричастія *унтат* и глагола *ошиба* и перелагаетъ: „*заснулъ*“. Допускаю на время сложность *унтатшиба* изъ 2-хъ словъ, но перевожу: „*уснувши пошелъ*“. . . И такъ можно ли искать

глагола *ошиба* въ *унтатшиба*? Но что еще дальше? г. Позднѣевъ, какъ у него *обыкновенно*, игнорируетъ другіе примѣры подъ правиломъ, выбирая одинъ для разбора, по его мнѣнію, непригодный. Здѣсь другой примѣръ таковъ: *чаран турэндэ орошиба хая*. Тутъ рѣчь идетъ о приближеніи только вечера и потому это значитъ: „солнце вѣроятно скоро будетъ заходить“. Ужъ не соизволить ли г. Позднѣевъ перевести это предложеніе такъ: „солнце вѣроятно скоро зашло“?

Стр. 200. *Би уно мэдэ уэйлэ мэдэсэйб*. Эти слова переведены: „Я узналъ бы то, чего теперь не знаю“. Г. Позднѣевъ перелагаетъ ихъ: „О еслибъ я узналъ то, чего теперь не знаю“. Но дѣло въ томъ, что примѣръ мною заимствованъ изъ перевода природнаго бурята селенгинскаго, основательно знавшаго не только свой, но и русскій языкъ, въ которомъ (т. е. примѣрѣ) по-выше приведеннаго мною предложенія ¹ стоитъ такое: „желалъ бы, чтобы это была правда (т. е. увѣреніе о томъ, что говорящій съ учителемъ ученикъ хорошо говорить по-манжурски). Не странно ли послѣ сего ученику отвѣчать: „О если бы я зналъ то, чего теперь не знаю“? Впрочемъ и я считаю приведенный мною оборотъ рѣчи не часто употребительнымъ, хотя и небезпримѣрнымъ.

Стр. 202. „*Гурбан хайхан хатунтайш, хубиту хуэ уэйш*“ „*Имѣешь ты три хорошенькихъ жены, но такой, которая приносила бы тебѣ счастье, не имѣешь*“. Г. Позднѣевъ послѣднюю половину фразы переводитъ: „а суженаго сына у тебя нѣтъ“. На это возражаю: чтобы слово: *ху* означало сына, на это не знаю примѣровъ; а что оно, означая вообще *человѣка*, не рѣдко намекаетъ на *женщину*, это въ разговорѣ бурятъ дѣло обычное. Когда герою сказки, хабгусу мургуну эти слова произносились одною баснословною птицею, то у него не было никакого сына, ни суженаго, ни

обычнаго. Въ концѣ сказки говорится, что герой, сверхъ трехъ женъ своихъ, въ его отсутствіе родившихъ трехъ сыновей, женился на четвертой, тоже родившей въ послѣдствіи сына, но главное, принцессѣ и принесшей за собою много приданнаго, даже людей. Три первые сына, встрѣтивъ на охотѣ неизвѣстнаго имъ четвертаго, довольно пообидѣли его; потомъ же, когда открылась тайна ихъ родства, они всѣ четверо побѣдили мангатхана (злаго духа), плѣнившаго первыхъ трехъ женъ Хабтусу Мургуна. За тѣмъ, герой, присоединивъ новую жену, безъ всякой прерогативы, къ первымъ, зажилъ благополучно съ четырьмя женами и четырьмя сыновьями. Итакъ что же значить *хубиту ху? хуби* доля, часть, счастье, *хуби угэй* бездольный, несчастный: стало быть оно означаетъ *не суженаго сына*, а *супругу—счастливую* и здѣсь приносящую счастье со своимъ родствомъ и приданымъ. Еще: въ той же сказкѣ солнце и мѣсяцъ изрекаютъ, герою: „*Эрхэй шини элтэй болок, хургуи шини хубитай болок!*“ т. е. да будетъ большой палецъ твой приносящимъ врачество! а указательный палецъ твой—приносящимъ счастье! Не думаю, чтобы и г. Позднѣевъ рѣшился перевести послѣднія слова: „*да будетъ суженымъ!*“!

Тоже 202 стр.— „*хулэрэ торху биши, хурэрэ торху.* У меня: „*не только спотыкаются ногами, а и словами!*“ Г. Позднѣевъ перевелъ „не спотыкаются ногами, а словами!“.—Отвѣчаю: и бурятская фраза и переводъ ея составлены природнымъ балаганскимъ бурятомъ. Это *пословица*, убѣжденіе народа, стало быть должно тутъ искать правды: но неужели правда абсолютная, что „не спотыкаются ногами, а словами!“? при словахъ: *хулэрэ хурэрэ* стоятъ частицы *силы*, а при *торху* ихъ нѣтъ: ясно, что сила и притомъ равномерная въ первыхъ словахъ, а не въ послѣднемъ. Г. Позднѣевъ утверждаетъ далѣе, что частица *биши* никогда

не способна означать отрицанія полнаго. Но вѣдь и въ книжномъ языкѣ есть обороты: *бусу болгу уничтожаться, ном бусу безвѣріе безбожіе*.

Стр. 107. *Дзэ, ши юнду идэи мии идэбэ? Дян хар- гуйду ябусан хун идэтугэй гэсэн гэджи идэбэ би.* Мой переводъ: „Ладно! Для чего ты съѣлъ мое кушанье? Я съѣлъ его потому, сказалъ онъ, что путнику надобно поѣсть“!— Г. Позднѣевъ перелагаетъ: „Я съѣлъ думая сказано пусть съѣсть человекъ прошедшій по пути, дорогѣ“. И продолжаетъ: очевидно, что старикъ съѣлъ не потому, что путнику надобно поѣсть, а потому, что онъ думалъ, что это мясо назначено для пищи путникамъ. Нѣтъ, не очевидно. Въ сказкѣ, изъ которой заимствованы приведенныя предложенія, предварительно высказано, что старику, отправившемуся въ далекую страну, поперекъ дороги представилось жареное мясо—*нэгэ* пѣкое, чье-то; что старикъ съѣлъ это чье-то мясо и пошелъ впередъ. Но вотъ, продолжается въ сказкѣ, поперекъ дороги лежитъ одинъ нагой человекъ, котораго старикъ сочелъ мертвымъ трупомъ и кольнулъ его копьемъ. Мнимый мертвый спросилъ его: за чѣмъ ты съѣлъ мое кушанье? Старикъ отвѣчалъ: „я съѣлъ его потому, что путнику надобно поѣсть“,—буквально: я съѣлъ его, говоря: сказано: „человекъ шедшій путемъ—дорогой пусть поѣсть“. Здѣсь *гэсэн* сказано, безсомнѣнія означаетъ не изреченіе нагаго, а изреченіе народное и вся фраза есть *пословица*. За тѣмъ *ябусан* значить только *шедшій*, а не прошедшій. И если бы мясо жареное (порція нагаго) назначено было для путниковъ, то при глаголѣ *идэтугэй* или стояло бы это самое слово, или его мѣстоименіе, а здѣсь стоитъ одинъ глаголъ, дающій мысль, что путнику надобно поѣсть чего нибудь напр. и *холоднаго* и *плодова*, и т. п.

Стр. 205. *„эмнек улан эрдэмтэйхэн мори би: энэ бага бэе минн эжи абида эрхэхэн. Я перевожу: „Разумный конь, только что обвязженный буланка! это я въ юности, подъ ласкою матушки, да батюшки“.* И вотъ основаніе! это средній куплетъ одной пѣсни, изложенной стихами и живописно представляющей чувства молодого бурята, какъ полагаю, изъ бѣлой кости—изъ хорошаго рода, къ своей родинѣ, къ своимъ друзьямъ, къ своимъ родителямъ. Въ первомъ куплетѣ онъ говоритъ: *„съ грустью поетъ кенарейка на берегу крутомъ: слезы льются изъ очей, какъ вспомнишь про родимую сторонушку“.* Какъ видите, это груститъ юноша—странствующій, вдали отъ родины. Въ послѣднемъ, третьемъ куплетѣ высказано: *„статно ѣздишь на буланкѣ толстогубомъ, а все-таки задумаешься, загрустишь, наткнувшись на друзей“.* Это картина, гдѣ юноша, на бравомъ конѣ, но на чужбинѣ, встрѣчаетъ земляковъ, товарищей, возвращающихся во свояси и провождаетъ ихъ печальными взорами.—Потрудитесь вставить въ средину этой лихой пѣсенки мои слова и вы найдете въ нихъ смыслъ, да еще какой? *„Одинокій юноша бурятъ, запредѣлами родины любитъ на своего молодого коня, который—по масти буланка, кровь съ молокомъ, по выдержкѣ и удали, умница между конями; любитъ и говоритъ про себя: вѣдь я еще не давно былъ такимъ же красавцемъ, такимъ же умненькимъ, подъ лаской матушки, да батюшки!*

А г. Позднѣевъ переводитъ средній куплетъ пѣсни: *„Рыжій неучь—лошадь съ достоинствомъ. Это маленькое существо мое самовольное у батюшки и матушки“.*—И конечно странности своей ни чѣмъ не оправдаешь. Эмнек, замѣняемое во многихъ пѣсняхъ словомъ уланъ подъяремникъ, очевидно здѣсь не можетъ означать лошадь дикую, а только молодую и уже обвязжанную; ибо кто же пуетится странствовать по чужимъ краямъ на лошади, не способной къ

ѣздѣ? *Улан* значитъ: красный, румяный, буланый. Такъ оно составляетъ прилагательное при словахъ *нога*, *щека* и *ваша* войска, имѣющія красныя тулѣи на киверахъ, называются *уланами*. Или все это можно назватъ *рыжими*!? Для этого термина употребляется другое слово *эрдэ*. *Эрдэмтэй*—*хэн* есть уменьшительное прилагательное отъ *эрдэм*, которое рѣдко означаетъ *достоинство*, чаще употребляется въ смыслѣ: *знаніе*, *мудрость*, *заслуга*; и такъ *эрдэмтэй* переводится: *знающій*, *умный*, *мудрый*. Нарощеніе уменьшительное *хан*, *хэн* иногда выражаетъ увеличеніе качества, напр. *хайн*—*хорошій*, *хайхан*—*прекрасный*. Стало быть есть право *эрдэмтэйхэн* перевести: „разумный“. И въ тоже время нѣтъ резона толковать его: „съ достоинствомъ“ нечего и доказывать, что *бэе минн* сплошь, да рядомъ значать: *я*, а *багайн хани*, какъ видно изъ словаря, и по книжному означаетъ *дружественность*. Значитъ одно *бага* выражаетъ *юность*. *Эрхэхэн* слово, не имѣющееся въ словаряхъ, по переводу природныхъ бурятъ, значить: *обласканный*.

3.

„*Не дѣлаю цитатовъ на то,—откуда взяты мною примѣры; не привожу примѣровъ изъ монгольскихъ сочиненій, кои считаю пособіемъ къ изученію бурятскаго языка*“, *обращаю въ примѣры изреченія св. писанія, мною уже переведенныя съ книжнаго монгольскаго на бурятскій языкъ*“.

√ Источники изъ коихъ я заимствовалъ свои примѣры, какъ мною замѣчено въ предисловіи къ грамматикѣ, составляютъ въ большинствѣ рукописи съ бурятскою устною словесностію, а за тѣмъ, то рукописи же съ переводомъ христіанскихъ сочиненій, напр. *свящ. исторіи* и *отрывковъ библейскихъ*, то и печатныя брошюры послѣдняго содержанія. Если бы изъ всего этого ставить цитаты подъ примѣрами, то появилось бы довольно многословія, совершенно не нуж-

наго ни для кого, и моя грамматика сдѣлалась бы гораздо тучнѣ, чѣмъ она есть теперь. И вполнѣ вѣрно то, что авторы моихъ источниковъ суть природные буряты грамотные и даже частію получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, знающіе основательно языки бурятскій и русскій. Нельзя не согласиться, что это лучшіе авторитеты въ своемъ родѣ и никакой тайпа, хотя бы онъ ѣздилъ въ Тибетъ, ни даже духовный сановникъ изъ природныхъ бурятовъ, ни въ какой и низшей русской школѣ не учившійся, конечно не можетъ быть съ ними сравниваемъ. Къ этому присовокуплю и небезызвѣстное г. Позднѣеву, т. е., что я готовлю христоматию бурятскую, гдѣ напр. сказки, пѣсни, переводы природныхъ бурятовъ будутъ представлены въ своей полнотѣ, и добавлю, что г. Позднѣевъ, во всякомъ случаѣ не знакомый со всѣми указанными источниками моими, никогда не жившій между бурятами хотя примѣрно съ годъ времени, не имѣвшій при себѣ представителей изъ многихъ бурятскихъ родовъ, особливо по сую сторону Байкала,—рѣшился критиковать мои примѣры въ грамматикѣ прежде всего внѣ контекста, аргіогі на угадъ; и очевидно по тѣмъ соображеніямъ, кои онъ пріобрѣлъ въ свое путешествіе по Монголіи о живомъ языкѣ хотя теперешнихъ,—однако все же заграничныхъ монголовъ.

Изъ сочиненій: *Гэсэр хан Алтан тобчи*, разговоры заграничныхъ монголовъ—печатныхъ и рукописныхъ я точно не приводилъ примѣровъ, имѣя ихъ подъ руками въ своихъ бурятскихъ сборникахъ, а съ другой стороны не находя въ первыхъ образцовъ на всевозможныя проявленія рѣчи, напр. на предложенія объяснительныя, но я вовсе не упускалъ ихъ изъ виду, когда дѣло шло о томъ, какъ объединить въ письмѣ разнообразныя произношенія однихъ и тѣхъ же монголо-бурятскихъ словъ, или какіе виды склоненій и спряженій могутъ встрѣчаться въ говорѣ у заграничныхъ монголовъ, но

кои не обычны у нашихъ. Въ силу перваго я читаю и пишу: *бурган* богъ, а не *бургант*, *буркун*, *буралан* (въ говорѣ у монголовъ заграничныхъ с.л. рус. разговоры стр. 177); *араги* водка, а не *арги*, *аркэ*; *элэ* зима, а не *обл*, *обца*, *убул*, *огол*; *гамук* весь, а не *гамок*, *гамак*, *гамык*. Читаю и пишу: *бурган*, *араги* *эбл*, *гамук*: потому что такой пріемъ, замѣчаемый у нѣкоторыхъ бурятъ, вполне подтверждается ихъ печатными сочиненіями. Разъясненіе втораго приложенія мною монгольскихъ сочиненій, сравнительно ближайшихъ къ говору бурятскому, увидимъ ниже.

Тѣмъ болѣе, желая обосновать свою грамматику на одной устной словесности бурятской, важность которой, по видимому не хочется признать г. Позднѣву, я не позволялъ себѣ, для нужныхъ примѣровъ, передѣлывать на свой ладъ изреченія св. писанія, заимствуя будто бы ихъ изъ библейскихъ переводовъ на книжномъ монгольскомъ языкѣ английскихъ миссіонеровъ. II примѣръ будто бы такого злоупотребленія моего библейскимъ текстомъ (см. стр. 106 крит.): *амитани бурахэн кошат кошахи абуба*, показать только, что г. замѣчатель не глубоко въ знаніи нарѣчія балаганскаго. Пытаясь доказать, что раздѣлительныя числительныя имена у бурятъ не склоняются, онъ видитъ въ словѣ *кошахи* не винительный падежъ и переводитъ вторую половину приведеннаго предложенія: „взялъ изъ нихъ по парѣ“, но вѣдь тутъ же рядомъ, повыше стоятъ слова: *амитан бурахэн* т. е. изъ всѣхъ животныхъ: къ чему же тутъ добавлять:—*изъ нихъ*. Я перевелъ: „Изъ всѣхъ животныхъ взялъ по парѣ“. II это не оспоримо вѣрно, тѣмъ болѣе, что и мой-то переводъ есть лишь повтореніе словъ природнаго бурята, изъ переведенной имъ краткой священной исторіи. II изъ какой же рѣчи—живой было мнѣ заимствовать толковыя примѣры на предложенія сложныя, кои, конечно, не можетъ отрицать и г. Позднѣ-

евъ, въ популярныхъ печатныхъ произведеніяхъ монгольскихъ пріискать нельзя. Игнорировать же эти пріемы рѣчи, необходимые для миссіонеровъ, по примѣру многихъ и премногихъ грамматистовъ, у меня не достало духу. Прошу не забывать, что всѣ доселешніе грамматисты сочиняли свои учебныя пособія для пониманія письменности иностранной, я же забочусь о томъ, чтобы христіанское и всякое полезное ученіе съ русскаго языка, столько разнообразнаго въ своихъ проявленіяхъ, ясно передавалось на языкѣ бурятскомъ.

(Продолженіе послѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Редакціи Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Въ 1882 году Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться по прежней программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ (годъ XX-й).

Редакція покорнѣйше проситъ о. о. благочинныхъ и причты церквей поспѣшить подпискою на Вѣдомости, на 1882 г. и высылкою денегъ, а также убѣдительно проситъ рекомендовать и другимъ, любящимъ духовное чтеніе, выписывать оныя для себя.

Любители духовнаго просвѣщенія приглашаются къ пресвѣщенному участию въ трудахъ изслѣдованія Сибирскаго края въ церковно-административномъ, историческомъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Редакція съ признательностію приметъ всякіе матеріалы, собраныя съ ученою цѣлію, хотя бы въ необработанномъ видѣ, надѣясь дать всему приличное мѣсто.

Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить еженедѣльно при Иркутской духовной Семинаріи. Цѣна годовому изданію: въ Иркутскѣ, съ доставкою на домъ, 5 руб. 50 коп. и для иногородныхъ—съ разсылкою по почтѣ тоже 5 руб. 50 коп., безъ доставки 5 руб.

Адресъ: въ г. Иркутскѣ, въ Редакцію Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, при духовной Семинаріи.

ВЪ ТИПО-ЛИТОГРАФІИ СИНИЦЫНА

ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ТАБЕЛЬ ПРАЗДНИКАМЪ НА 1882-й ГОДЪ. Ц. 10 коп., съ пересылкою 12 коп.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ, съ отрывающимися листками на каждый день и съ разными историческими свѣдѣніями касающимися Сибири. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Полученъ календарь Голицына. ОЖИДАЕТСЯ КАЛЕНДАРЬ Суворина. Ц. 1 руб. 60 коп., съ пересылкою 2 руб.

Редакторъ, Ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи. *Архимандритъ Григорій.*

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи *Яковъ Ступковъ.*

Иркутскѣ, 1881. Типографія Н. Н. Синицына, Харл. ул. д. № 92.